

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ О РАТИФИКАЦИИ В ИЕРАРХИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э.Р. Хисамов*

В статье проведен анализ федеральных ратификационных законов с точки зрения того, какое место они занимают в иерархии нормативных актов России. Особое внимание обращено на некоторые аспекты соотношения федеральных ратификационных законов с Конституцией РФ и Федеральными конституционными законами.

Ключевые слова: федеральный закон о ратификации; юридическая сила; трансформированные нормы; иерархия нормативных актов.

ON-SITE FEDERAL LAW ON RATIFICATION IN THE HIERARCHY OF REGULATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.R. Khisamov

The article analyzes the federal ratification of laws in terms of what place they occupy in the hierarchy of normative acts in Russia. Particular attention is drawn to some aspects of the relations of federal ratification of laws with the Constitution and federal constitutional law.

Keywords: federal law on ratification; the legal force; transformed rates; hierarchy of normative acts.

Вопрос о месте федеральных законов о ратификации международных договоров Российской Федерации в системе законодательства России и их роли в системе источников российского права является весьма важным, поэтому мы попытаемся определить их юридическую силу и характер взаимоотношений с конституционными законами и законами Российской Федерации.

Сложившаяся и поддерживаемая в каждой стране иерархия нормативных актов имеет важнейшее значение для упорядочения процесса правотворчества и правоприменения, для создания и поддержания режима законности и конституционности [5, с. 450].

Сама юридическая природа федерального закона о ратификации своеобразна. Не выделяясь из

всей массы законов, он, тем не менее, имеет свои содержательные особенности, поскольку конституционные нормы о приоритете положений вводимого им договора дают повод для такого вывода. Правда, ученые предлагают неоднозначные трактовки соотношения юридической силы норм в подобных ситуациях.

Признается либо их равная сила, либо приоритет международных норм, либо возникает приоритет трансформированных норм, с чем мы согласны. Федеральный ратификационный закон служит формой «государственного удостоверения» включения международного акта в правовую систему.

Рассматривая вопрос о месте федеральных законов о ратификации в иерархии нормативных правовых актов, нельзя обойти вниманием ч.4

* Хисамов Эльдар Рифкатович, аспирант юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета. E-mail: eldar_hisamov@mail.ru

ст.15 Конституции Российской Федерации, касающейся вопроса соотношения норм международных договоров и национального законодательства. Поэтому вопрос о приоритете международных договоров Российской Федерации по отношению к российским национальным законам, а вместе с тем – вопрос об их юридической силе и характере их отношений с законами необходимо, по нашему мнению, решать дифференцировано, с учетом существования всего разнообразия, как договоров, так и законов [7, с. 195-198].

Следуя формальному и буквальному толкованию ч.4 ст.15 Конституции Российской Федерации, можно утверждать, что в случае возникновения коллизии между конституционными положениями и международным договором Российской Федерации приоритетными в применении являются исключительно конституционные положения. Данный вывод подтверждается действующим российским законодательством, предусматривающим законодательные меры, связанные с недопустимостью появления в правовой системе России международных договоров, положения которых противоречат Конституции Российской Федерации.

В соответствии со статьей 22 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», «если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке».

Важно, однако, иметь в виду, что поскольку ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров, устанавливая, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора, не исключает и конституционные нормы, то, как верно подчеркивает С.В. Черниченко, «одно то обстоятельство, что есть расхождения между положениями договора и Конституции, не оправдывает невыполнение договора» [3, с. 156].

Но в тоже время из анализа ч.4 ст.15 Конституции Российской Федерации вытекает, что международные договоры обладают приоритетом толь-

ко в отношении законов и не могут превалировать над положениями самой Конституции. Именно Конституция Российской Федерации является тем высшим нормативным актом, который наделяет международные договоры Российской Федерации юридическим свойством действовать в правовой системе России и в случае возникновения коллизии с законом имеет приоритет в применении. Как известно, в соответствии с общими принципами права положения, содержащиеся в определенном нормативном акте, могут быть отменены или изменены иным нормативным актом, обладающим такой же, или большей юридической силой. Конституция Российской Федерации обладает на территории Российской Федерации высшей юридической и, как известно, любые поправки или изменения к ней могут быть осуществлены в особом порядке, указанном в главе 9 Конституции Российской Федерации. Иначе говоря, из самой Конституции текстуально следует положение, согласно которому международный договор не может иметь приоритета над конституционными положениями и, следовательно, отменить или изменить любую конституционную норму.

Многие авторы указывают на то, что участник международного договора не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им международного договора. При этом делается отсылка к упомянутой статье 27 Венской конференции о праве международных договоров 1969 года. Вместе с тем статья 27 Венской конвенции содержит одно нередко упускаемое из виду установление, сводящееся к тому, что указанное правило статьи 27 действует без ущерба для статьи 46 Венской конвенции. В свою очередь статья 46 Венской конвенции в пункте 1 гласит, что это правило не касается нормы внутреннего права государства особо важного значения.

Конституция Российской Федерации является актом высшей юридической силы на территории России, поэтому положение п.1 ст.46 Венской конвенции имеет к этой правовой ситуации самое непосредственное и безусловное отношение и конкретно применимо к Конституции Российской Федерации [1].

Необходимо отметить, что абсолютный приоритет Конституции Российской Федерации в рамках правовой системы подтверждается, в частности,

тем, что международные договоры Российской Федерации включаются в перечень нормативных правовых актов, применяемых при рассмотрении дел сразу же после Конституции Российской Федерации. Данное положение нашло свое отражение в ч.1 ст.13 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Кроме этого, согласно ч.6 ст.125 Конституции Российской Федерации любые международные договоры Российской Федерации, не соответствующие Конституции Российской Федерации, «не подлежат введению в действие и применению». Из данного положения следует, что Конституция по отношению к ратифицированным международным договорам Российской Федерации имеет безусловный приоритет.

Рассматривая вопрос о месте федеральных законов о ратификации международных договоров Российской Федерации, нельзя не остановиться на таком источнике российского права, как федеральные конституционные законы. В вопросе соотношения федеральных законов о ратификации международных договоров РФ и федеральных конституционных законов необходимо учитывать, что определенный Конституцией сам предмет таких законов позволяет предположить, что вероятность противоречий между ними является чисто теоретической.

Однако, как следует из Конституции Российской Федерации, федеральные конституционные законы обладают большей юридической силой, чем обычные федеральные законы, но уступают конституционным положениям. В силу ч.3 ст.76 Конституции Российской Федерации «федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам». Федеральные конституционные законы принимаются исключительно в случаях, специально предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

В силу части 3 статьи 128 Конституции Российской Федерации «полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом».

«Поскольку ратификация договоров осуществляется федеральным законом, который не может противоречить конституционному закону, - отмечает И.И. Лукашук, - постольку, как и в случае с Конституцией, до ратификации договора, содержащего правила, отличные от правил конституционного закона, необходимо предварительное изменение последнего» [4, с. 37]. В связи с этим следует не допускать, чтобы в федеральные конституционные законы включались нормы, расходящиеся с международными договорными обязательствами, и не заключать международные договоры, устанавливающие иные правила, чем предусмотренные такими законами.

В связи с этим представляется, что в случае возникновения коллизии между ратифицированным международным договором и федеральным конституционным законом, который является одним из видов федеральных законов, приоритет в применении должен быть отдан положениям федерального закона о ратификации международного договора с определенной долей условности, так как федеральный конституционный закон приводится в соответствие с нормами международного договора еще до его ратификации.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что место федеральных законов о ратификации международных договоров Российской Федерации в рамках системы законодательства определяется Конституцией Российской Федерации. Аналогичную позицию занимает А.Н. Талалаев, который указывает, что благодаря ратификации международных договоров в форме федерального закона, «становится обоснованным приоритет применения ратифицированных договоров Российской Федерации над российскими законами» [6, с. 255].

В заключении хотелось бы отметить, что федеральные законы о ратификации имеют приоритет перед любыми федеральными законами, но в тоже время они не должны противоречить положениям Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, так как приведение их в соответствие с нормами международного договора происходит до его ратификации.

Литература

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969г. // Ведомости ВС СССР. – 1986. - № 37. – Ст. 772.
2. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. / Под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – 716 с.
3. Кузнецов В.И. Международное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2001. – 672 с.
4. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. Учебно-практическое пособие. – М.: Спарк, 1997. – 90 с.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2004. – 640 с.
6. Талалаев А.Н. Закон о международных договорах. // Московский журнал международного права. – 1996. - № 2. – С. 255.
7. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. – 496 с.